

Из поколения несгибаемых

Бадма Арсаланов
(1902-1930 г.г.)

«Кулацкий бунт» 1 марта тридцатого года оставил кровавый след на Бичурской земле как со стороны тех, кто выступал против Советской власти, так и тех, кто подавлял восстание. В первой статье мы упоминали учителей Бянкина (Слобода) и Вахмянина (Буй), милиционера Платонова (Шиберуй), комсомольца Назимова (Киреть). Дополним этот печальный список именами, которые не стали названиями улиц: учительница Александра Мотавкина (Ара-Киреть), застреленная прямо у школьной доски, восемь активистов Буя, замеченные мятежниками, милиционер Желтоухов, уполномоченный Блох. В том же Буе брат-подкулачник собственноручно застрелил сестру-активистку Груню Дульянинову, подругу моей мамы Софьи Михайловны Овдиной.

Обо всех, кого я назвала, мне известно от первых лиц, свидетелей и участников тех событий. Неистребимый интерес к людям, проснувшийся во мне еще 30-40 лет назад, побуждал меня взяться за карандаш и на случайных бумажках, в блокнотах, которых накопилось солидная стопка, записывать то, что рассказывали очевидцы. Это мои родители отец Дмитрий Андриянович и упомянутая выше мама Софья Михайловна, Чимит Митыпович Митыпов, Георгий Георгиевич Бандо, Павел Александрович Богодаев, Федор Михайлович Фомин, Калерия Ионовна Истомина, Егор Иванович Мякотин. Всех трудно перечислить.

Имя Бадмы Арсаланова впервые услышала от моего вузовского педагога Николая Константиновича Елаева. Его отец, учитель Константин Елаев, был схвачен вместе с избачом Бадмой Арсалановым, другими тремя активистами Шибертуя вьюжной мартовской ночью и зверски замучен на следующий день. Оба они – Арсаланов и Елаев не были уроженцами нашего района, но тогда в 20-30-е годы, да и позже комсомольцев и коммунистов не спрашивали, хотят ли они ехать туда, куда их направляют. Было такое слово «надо». Они, как и двадцатипятидесятники, были направлены в глубинные села и улусы агитировать за колхозную жизнь, и оказались в Шибертуе. Те, кто постарше помнят пролетария Семена Давыдова из шолоховской «Поднятой целины». Роман этот ныне исключен из школьной программы. И как бандитская пуля оборвала жизнь коммуниста Давыдова, так она же поставила последнюю кровавую точку в судьбе героя этого повествования.

Бадма Анхалиевич Арсаланов родился в 1902 году в улусе Алаши Баргузинского аймака. После освобождения Бурятии от белогвардейцев здесь, как и повсеместно, создаются комячейки. Бадма одним из первых вступает в комсомол, в родном улусе организует ячейку, ведет беседы, вовлекает молодежь в кружок художественной самодеятельности. Пьес на бурятском языке не было, и он ночами сидел над переводами русских текстов. Вместе с коммунистами комсомольцы улуса берутся за создание одной из первых сельхозартелей, вовлекая земляков в коллективный труд. На 13 дворов было всего 9 лошадей, но вопреки злобным предсказаниям богатеев, артель жила, становилась на ноги. Артельщики задумали дерзкое дело: построить не имея ни опыта, ни средств Караликскую оросительную систему. Копали вручную все от мала до велика. Нашелся даже доморощенный геодезист Нанзан Лапхаров. Он через ствол ружья устанавливал уровень каналов, делал нивелировки. Весной двадцать шестого года первые восемь гектаров целины получили долгожданную влагу, и богатый урожай на орошенной земле лучше всяких слов агитировал за новую власть. В это же время будучи уже коммунистом Бадма Арсаланов организует ликбез в родном улусе. Вскоре энергичного юношу отправляют на учебу в Иркутск, сначала в совпартшколу, затем на рабфак. Через два года он получил назначение «красным избачом» в улус Шибертуй. По рассказам, Бадма происходил из зажиточной семьи, один брат ходил в богатеях, другой служил ламой. Семья уже раскололась на «белых» и «красных» и Бадма, вернувшийся из Иркутска,

окончательно порывает с «несознательной родней». Он передает свою долю хозяйства вместе с конем в распоряжение коммуны и уезжает работать в Бичур-ский район. Печально, но в эпоху перелома рвались вековые родственные связи, такие прочные у бурят. Что было, то было...

Бадма был бесстрашным и жизнерадостным человеком, любил жизнь во всех ее проявлениях. У него было много голубей, и это увлечение помогало ему находить путь к сердцам босоногих мальчишек. В Шибертуе он стал страстным агитатором колхозной жизни. То поколение умело говорить «без бумажки», зажигать искренным и пламенным словом. Одни с надеждой внимали словам избача, другие боялись и ненавидели его. Очевидцы рассказывали, что в Шибертуе Арсаланов сразу включился в работу по созданию колхоза. Вместе с секретарем ячейки ВЛКСМ Дамдинжапом Дамбаевым, членом бюро ячейки Ширабом Гармаевым, учителем Константином Елаевым «красный избач» убеждает вступить в колхоз. Почва стремительно уходит из-под ног противников Совет-ской власти и коллективизации, и они берутся за обрез.

...Когда бандиты ворвались к Арсаланову, единственным оружием которого было слово, он сидел над стенгазетой... Его и его товарищей убили не сразу, их пытали, заставляли отказаться от своих убеждений. Но и пытками не смогли вырвать мольбы о пощаде. В бессильной ярости активистам отрезали уши, выкололи глаза. Они, сыны своей эпохи, пали «в борьбе за народное дело», как поется в одной из революционных песен. Они не знали ни славы, ни наград, ни сытой жизни. Они жили, словно в атаке, вздох отдавая себя идее, работе и служению народной власти.

Бадма Арсаланов – ровесник и младший современник Павки Корчагина, и имена эти, к сожалению, мало что говорят сегодняшней молодежи. Мы безжалостно вычеркиваем все новые и новые страницы из недавней истории вместо того, чтобы извлекать уроки и учиться быть верными идее и своим убеждениям. А жаль...

Имя Бадмы Арсаланова - неустрашимого борца за новую жизнь, носят улицы в селе Шибертуй и на его родине.

*Нелли Коробенкова,
наш внешт. корр.*